

Гайд-парк на Таганке

Общая газета, - 1998, - 17-23 сент. - с. 10

Юрий Любимов беретсЯ объединить наше общество в своем театре

14 сентября в Театре на Таганке состоялось открытие очередного сезона. Поскольку присутствие главного режиссера театра Юрия Петровича Любимова опять стало нормой существования Таганки, жизнь здесь потихоньку налаживается. Наконец завершён ремонт помещения, и, судя по всему, театр обретает второе дыхание. В театре сейчас и в новых выпущенных спектаклях («Медея», «Братья Карамазовы»), и в еще только готовящихся («Шарашка», «Добрый человек из Сезуана») работают новые актеры: Анна Агапова, Анастасия Колпикова, Дмитрий Муляр, Алексей Цуркан, Сергей Трифонов. Зрителей на Таганке уже ждут. Первым в репертуаре значится спектакль, сделавший славу старой Таганки, — «Мастер и Маргарита».

— Юрий Петрович, критики всегда определяли Таганку как театр политический...

— Зачем уж так? Он же и свою эстетику имел, и свой стиль. Просто репертуар так складывался: в нем были «Гамлет», «Преступление и наказание», «Мольер» — и были поиски каких-то нестандартных форм. Я всегда интересовался политикой. У меня было хобби: я наблюдал вождей, как у них меняются физиономии с годами, когда они обретают все большую и большую власть. Но самое страшное, что то же самое произошло и с нами. Мы «обносорогались», как в пьесе Ионеско «Носороги». Мы в первых рядах стада этих носорогов. Все. Я на классиков ссылаюсь. Потому их ставлю.

— Вы хотите сказать, что вы просто ставили спектакли и так совершенно случайно получалось, что они звучали политически-актуально в то время?

— Нет, это не случайно. Видимо, я склонен был к свободному мышлению и к свободному обмену со своими согражданами мыслями.

— Как вам кажется, почему спектакли Таганки в настоящий момент не имеют такого социального резонанса?

— Общество размыто. Сейчас вроде мы свободны, а свободы-то нет, просто разрешили, как в анекдотах, полагать. Вот все и лают.

— А можно ли воссоздать атмо-

сферу, которая царила на Таганке в те годы?

— Прежде всего Таганка тогда вырывалась из общей унылой театральной картины другой формой. Театр должен отображать действительность в своих эстетических формах. В меру того, как он слышит свое время. Конечно, в те времена это был открыто оппозиционный театр. Такими мы и остались. К тому же, во всем мире сейчас наблюдается некоторый кризис театра. И наиболее уважаемые мною люди мира театрального, создавшие

целые направления, тоже говорят, что театр при смерти. Он должен найти другие формы общения с людьми. Мы ищем. Я вижу их в развитии настоящего, ежесекундного диалога с залом. Потому что театр — это единственное искусство, которое непосредственно обменивается мыслями и чувствами со зрителем, и от зрителя эта энергия идет назад, к артистам. Это своего рода перекачка энергии. Впрочем, критики всегда отмечали, что в моем театре артисты умеют вести диалог со зрителем.

— Что будет нового у вас в театре в этом сезоне?

— Сейчас я буду ставить «В круге первом» Солженицына — роман, в скобках названный им «Шарашка». Именно так и будет называться наш спектакль-фантазмагория. Переложить такой роман в сценическую форму очень сложно. Но от Александра Исаевича я получил разрешение. Мы хотим к его 80-летию — 11 декабря — показать премьеру. А в ноябре я хочу выпустить спектакль по пьесе

Петера Вайса «Марат-Сад». А если говорить о планах вообще, мне хочется возобновить к 35-летию театра «Доброго человека из Сезуана» — одну из первых моих работ...

— Говорят, вы собираетесь проводить в театре и какие-то внехудожественные мероприятия — диспуты, встречи.

— Да. Мы хотим сделать какое-то движение за ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ТАГАНКУ. В широком смысле. Не просто, чтобы к нам пришел зритель, а именно возвратиться к традициям, которые были. Я думаю, это наша главная задача — чтобы те круги общества, которые нам близки, вернулись и привели за собой молодое поколение.

— В чем вы видите лично свою роль в этом возвращении зрителя на Таганку?

— Я прежде всего должен внутри театра создать должную атмосферу, что очень трудно в наше время. Трудно, потому что люди боятся всего. Что им вовремя не дадут зарплаты. Что цены подскочат. Что продукты исчезнут. Как я могу осуждать полунищих артистов за то, что они сегодня уделяют театру все меньше времени?

Мое-то поколение привыкло к таким безобразиям правителей. Нас этим не удивит. Поэтому мы сейчас обязаны поддержать наше молодое поколение, вселить в него не отчаяние, а надежду. Но — не словами, а делами. Очень прозаическими, малыми, добрыми делами. Например, создать рабочие места... Мне помогает пока московское правительство и Лужков, и, может быть, мы создадим международные экспериментальные мастерские. Я смогу туда привлечь все мои международные связи.

— Есть мнение, что искусство нужно только тем, кто может его понять, а политикой интересуются все. Может, и

театр в нашей стране должен быть именно политическим?

— Наша страна глупо политизирована — от безысходности. Люди считают, что что-то можно изменить только политикой. Ведь, в общем-то, разрушила Россию небольшая кучка политиков, которых поддерживал народ. Как сейчас он поддерживает опять тех же коммунистов и самые глупые лозунги. А бродит умный человек Явлинский, и его очень мало кто из народа воспринимает... Вот в «Братьях Карамазовых» есть фраза о том, что мы даже потребность в самоосуждении потеряли. У нас — НЕРАСКАЯВШЕЕСЯ ОБЩЕСТВО. Нам не стыдно. И вам, и мне не стыдно, что мы позволили править нами дикарям, изуверам, которые 70 лет измывались над целой нацией. Поэтому сейчас поражаемся: отчего же такой крах произошел? Вот мы с вами говорим в тот момент, когда произошла национальная трагедия. Все усилия последних 10 лет превратились в прах — они были построены на обмане. Это последствия краха коммунизма. Но коммунисты у нас опять в первых рядах, и наш несчастный народ с портретами Ленина-Сталина и с протянутой рукой бежит за ними...

— У вас совсем нет искушения сказать это в спектаклях открыто?

— Это ни на кого не повлияет. Говорят же они открыто в Думе черт-те что, поносят друг друга, орут. И что толку? А ведь Дума — это законодательная власть. А что театр? Он должен все это преобразовать в художественных образах, в художественных формах, а не учить.

Это бедный Гоголь, наш великий, очень любил учить. Но когда вышел читать лекции, то все от него разбежались. Тургенев в предсмертном письме обратился к Толстому: умо-

Слушая время...

лял его, умирая, чтобы он писал, а не учил. И странички в «Войне и мире», где Лев Толстой «учит», обычно пролистывают, не вникают в них. Несмотря на то, что это великий писатель с мировым именем.

Декларации и манифесты всякие очень любят художники. Но, повторяю, декларации ничего не меняют. Для художника важно, какие он картинки пишет. Или скульптурки лепит. Или какую музыку сочиняет...

— Но ведь не всякого при советской

власти лишали гражданства за творчество, как вас!

— Каждый проходит через свою Голгофу — к самоопределению человек должен прийти через страдания. А уж художник — тем более. Если художник не чувствует, не находит в себе каких-то болевых мозолей, то он и не может ничего создать.

Беседовала
Наталья БОНДАРЕНКО
Фото Петра КАСИНА

